

ЦИФРОВОЙ ВИГИЛАНТИЗМ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ¹

А. В. Волкова, Г. В. Лукьянова, Д. С. Мартьянов

Волкова Анна Владимировна.

Эл. почта: a.volkova@spbu.ru. ORCID 0000-0002-3687-5728.

Лукьянова Галина Владимировна.

Эл. почта: g.lukiyanova@spbu.ru. ORCID 0000-0003-1260-2124.

Мартьянов Денис Сергеевич.

Эл. почта: dsmartyanov@mail.ru. ORCID 0000-0001-7755-8086.

Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу цифрового вигилантизма (цифровой бдительности) как формы электронного гражданского участия в контексте проблем современного публичного управления. Цифровой вигилантизм является междисциплинарной проблемой, что подтверждают многочисленные зарубежные исследования, но для России этот термин нов. Политологический анализ позволяет авторам выявить двойственный характер вигилантизма, который является реакцией на неэффективность государственных институтов в условиях цифровых трансформаций и претендует на роль вспомогательного неформального института. С другой стороны, вигилантские сообщества могут оспаривать монополию государства на легальное насилие и провоцировать девиантное поведение в Сети. Новизна исследования состоит также в определении роли цифрового вигилантизма в процессе формирования публичных ценностей в контексте проблемы риска захвата сетевого гражданского общества. Авторы сфокусировали свое внимание на типичных дискурсивных практиках институционального (управляемого) вигилантизма среди известных российских вигилантских движений. В рамках исследования произведен сетевой анализ четырех сообществ русской социальной сети ВКонтакте: «СтопХам», «Лев Против», «Хрюши против» и «Антидилер». На основе анализа подписок аудиторий виртуальных сообществ выделен круг интересов «типичного вигиланта», сделан вывод о неполитическом характере движений. Однако агрессивные сетевые инициативы, претендующие на лидерство в формировании публичных ценностей, создают угрозы для устойчивого и динамичного развития гражданского общества в публичной сфере за счёт пропаганды «негражданского» характера общественной активности, тем самым нивелируя усилия по формированию общей цифровой среды доверия.

Ключевые слова: цифровой вигилантизм, цифровая публичная политика, гражданское участие, социальные сети, публичные ценности.

Введение

Появление цифровых технологий изменило мир. Цифровые трансформации публичного пространства стимулируют возникновение разнообразных форм взаимодействия граждан с целью защиты общественных интересов, возникают все новые и новые модели и субъекты, иницирующие объединение интернет-пользователей для достижения общественно значимых целей (Мирошниченко, 2017). И если в начале века эти мощные технологии рассматривались как прогресс через призму позитивных преобразований отрасли за отраслью, то в настоящее время цифровой оптимизм постепенно уступает место антиутопическим представлениям о тотальной слежке, цифровом авторитаризме, растущем неравенстве

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-ЭИСИ в рамках научного проекта 21-011-31445 «Цифровой вигилантизм и практики формирования публичных ценностей: захват сетевого гражданского общества?»

и «негражданском» сетевом обществе, а текущая пандемия лишь усугубляет пессимистические настроения. Сегодня и сотрудничество, и конкуренция находят себя в иных формах, а платформенное взаимодействие хоть и более эффективно, чем конкурентное представительство, однако не снимает актуальность вопросов спорной политики (Сморгунов, 2020). Это объясняется и тем, что социальные сети ощутимо изменили способ доступа к информации, ее производства и обмена, превратив традиционные средства массовой информации в систему взаимосвязанных горизонтальных коммуникационных сетей, что, в свою очередь, сказалось на способах распространения контента. Как итог — система традиционных СМИ подвергается искажениям и манипуляциям, происхождение которых часто бывает трудно установить. Еврокомиссия в 2021 г. выложила на своем сайте масштабный отчет группы европейских исследователей «Механизмы, формирующие социальные сети, и их влияние на общество» (*Mechanisms that Shape Social Media and their Impact on Society — Report on the State-of-the-Art in Research. Shaping Europe’s digital future* <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/mechanisms-shape-social-media-and-their-impact-society-report-state-art-research>), цель которого — предоставить систематический, эмпирический и теоретический анализ для лучшего понимания механизмов, формирующих социальные сети, и их влияния на общество. В документе поднят ряд болезненных вопросов, таких как: «Означает ли это, что цифровая революция — это конец демократии и демократических свобод, которые были кропотливо завоеваны в прошлом веке?»

Европейские исследования на основе большого объема эмпирических данных фиксируют изменения привычек и поведения людей (и особенно молодого поколения) в том, как они потребляют информацию и взаимодействуют с ней. Современных обществоведов беспокоит тот факт, что социальные сети (Facebook, Twitter и др.), как утверждают создатели и владельцы, являются просто «платформами для общения», на основании чего они не соблюдают правила, сдерживающие традиционные СМИ, и их практически невозможно привлечь к ответственности за клевету, разжигание ненависти или фейковые новости. В современной Европе более 50% людей находят актуальную информацию в основном в социальных сетях, и этот показатель возрастает до 69% среди молодых людей в возрасте до 29 лет. Примечательно, что большинство людей, использующих социальные сети для доступа к информации, обращают мало внимания или вообще не обращают внимание на ссылки, на качество источника или первоисточник. Согласно данным Международного центра Журналистики, приведенным в отчете, 71% журналистов использует социальные сети для поиска статей, только 11% используют какие-либо инструменты дополнительной проверки данных, полученных в социальных сетях (*Mechanisms that Shape Social Media and their Impact on Society — Report on the State-of-the-Art in Research. Shaping Europe’s digital future* <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/mechanisms-shape-social-media-and-their-impact-society-report-state-art-research>).

Дезинформация, а также методы и процессы, которые используются для ее распространения, находятся в постоянном развитии. Определение дезинформации само по себе проблематично, поскольку в большинстве случаев «дезинформация является результатом градиентов композиции истинных и ложных фактов». Сообщества, технологии, сети, программные платформы и онлайн-сервисы, используемые для распространения вредоносных сообщений, постоянно развиваются и, что нема-

ловажно, иностранные технологии и ресурсы заставляют ощущать страх потери управляемости в рамках национальных государств или ЕС в целом. Описывая системные инновации, авторы утверждают, что новая сетевая коммуникационная модель должна быть справедливой: «Цель никогда не должна заключаться в том, чтобы остановить или ограничить инновации, а в том, чтобы развивать их и вести в правильном направлении» (Mechanisms that Shape Social Media and their Impact on Society — Report on the State-of-the-Art in Research. Shaping Europe’s digital future <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/mechanisms-shape-social-media-and-their-impact-society-report-state-art-research>).

Методология

Развитие сетевого публичного управления предполагает дальнейшее расширение возможности граждан использовать потенциал глобальной сетевой аудитории для решения политических, экономических, религиозных и иных социальных проблем с помощью простого доступа в Интернет (Fuchs, 2015; Мирошниченко, Рябченко, 2017). Поскольку каждое действие сегодня можно сфотографировать, отнять на видео, распространить среди друзей и не только, традиционная граница между «частным» и «публичным» практически стерта, что позволяет создавать новые практики участия и протеста (Dennis, 2008). Цифровая революция изменила политическое участие, но опыт новейших протестных движений и новые формы общественного участия (Black Lives Matter) показывают: они далеки от достижения социальной эффективности, и огромный мобилизационный потенциал не всегда означает общезначимые, благие цели. Но и наличие благих целей не исключает активность, способную дестабилизировать сетевое гражданское общество.

Понятие «цифровой вигилантизм» (digital vigilantism) оказалось в поле зрения современных исследователей-обществоведов как один из вызовов цифровизации (Brighenti, 2007; Brighenti, 2007), при том, что проблемы обостренной гражданской бдительности привлекают внимание западноевропейских исследователей-обществоведов еще в последней четверти XX в. В этот период специфическое проявление гражданской активности анализировалось преимущественно юристами, специалистами в области уголовного права и криминологами (Volkova, 2020). Вигилантизм трактовался как защитная реакция со стороны общества, выступающего за общепринятые нормы и правопорядок в рамках законодательства, как форма помощи граждан правоохранительным органам и вариант сотрудничества с государством. Примечательно, что истоки вигилантизма следует искать именно в англосаксонской правовой традиции: предтечей современного вигилантизма может считаться феномен «охотников за головами», зародившийся в островной Англии, где до XIX в. отсутствовала централизованная полицейская служба и частная инициатива по поимке преступников поощрялась финансово и поддерживалась общественной моралью. Другой пример — суд Линча на Диком Западе, как практика внесудебных расправ, обусловленных, преимущественно, расовым или экономическим мотивами, и воспринимающийся сегодня как позорная страница в истории американского гражданского общества (Arellano, 2012).

Несколько иной взгляд на проблему можно обнаружить в современной Германии. Проект Мюнхенского университета (LMU), исследующий историю, культурные варианты и современные формы наблюдения за обществом, базируется на следующем определении вигилантизма или гражданской бдительности: «Бдительность

означает связь личного внимания с наиндивидуальными целями. Она возникает каждый день в сфере безопасности, права, здравоохранения или даже религий: везде, где мы на что-то обращаем внимание и, возможно, также что-то делаем или сообщаем о чем-то». Есть точки перехода, которые необходимо фиксировать, там наблюдения отрываются от других повседневных функций и проявляется бдительность, т.е. прогулка становится, например, патрулированием (LMU, *Vigilanzkulturen* <https://www.sfb1369.uni-muenchen.de/index.html>).

Формирование общепризнанного определения вигилантизма до сих пор затруднено, но наиболее простой его дефиницией является «взятие закона в свои руки», что подразумевает реакцию на угрозы или действия, нарушающие формальные границы установленного социально-политического (Rosenbaum, 1974 p. 542.; Bateson 2021). Вигилантизм рассматривается как вид самосуда, возникающий, когда полномочные структуры правопорядка не справляются с функционированием, и отдельные индивиды или группы в обществе берут исполнение этих функций на себя (Burrows, 1976).

Для российских общественных наук этот термин нов (Чернобровкин, 2014; Сиимонова, 2019; Shukan, 2019; Volkova, 2020) и это несмотря на ряд традиций отечественной политической культуры и такие практики советского периода, как, к примеру, народные дружины или товарищеский суд.

Результаты исследования

Следует отметить, что среди большого числа различных организаций и движений в России многие были маркированы СМИ как вигилантские, при этом подавляющая часть подобных движений и организаций столкнулась с такой проблемой, как блокирование их сообществ в социальных сетях. Однако ряд групп, борющихся за общественный порядок и общественную мораль, существует вполне благополучно. В рамках данного исследовательского проекта было выбрано пять примеров институциональных практик в России — движение «Лев Против», «СтопХам», «Хрюши Против» и «Антидилер». Во всех группах поводом для мобилизации граждан становятся резонансные случаи нарушения общественного порядка (нарушение правил парковки и ПДД, хранения продуктов, распитие спиртного, наркоторговля), когда государство, по мнению общественности, не справляется или действует недостаточно эффективно.

Возникновение этих групп приходится на период после 2010 г., когда завершается активность или происходит трансформация масштабных проправительственных молодежных проектов («Наши», «Молодая гвардия» и др.). Активная молодежь из «комиссарского сообщества» формирует структуры, организованные по сетевому принципу, которые поддерживают, а затем и перехватывают у государственных органов инициативу по порицанию нарушителей и возмездию. Ускоренное распространение персональных гаджетов и новые технические возможности сетевых ресурсов делают возможным расширение практики распространения в социальных сетях фото- и видеоматериалов, превращая надзор за нарушителями закона и возмездие в настоящий перформанс.

«СтопХам» возник с целью борьбы с «хамством на дорогах» в России. Среди частых действий, которые предпринимаются членами движения в последние годы, можно выделить борьбу с парковкой в неположенных местах. Парковка в неположенных местах является распространённой и предсказуемой практикой в России: недо-

статок парковочных мест и отсутствие (или дороговизна) подземных парковок в мегаполисах делает ее рутинным нарушением, неформальным институтом, она воспринимается как ожидаемые правила игры, которые разделяются многими автомобилистами. Отсутствие системы жёстких санкций со стороны власти институционализирует такое поведение и формирует искаженное представление о свободе и справедливости («я свободен парковаться, где хочу и где мне удобно»).

В качестве действий, которые предпринимаются «СтопХамом»: противоправно-самовольное наклеивание стикеров на автомобили, применение насилия (использование газовых балончиков), а также порицание и посрамление, достигаемое благодаря съемке нарушителей на видео и опубликованию этих роликов на Youtube. Организация не использует радикальные методы цифрового вигилантизма, хотя публикация роликов, в которых осуждается поведение нарушающих правила водителей, может быть названа опозориванием, важнее, что этот позор не носит персонализированный характер. «СтопХам» не ставит целью раскрытие личностей нарушителей (naming), а деятельность самих участников группы не носит анонимный характер, типичный для кибервигилантов. Таким образом, активисты и нарушители потенциально равны в плане их идентификации, а потому и те, и другие могут стать объектом критики и нападков в социальных сетях.

Публикуемые в медиа данные исследований о поддержке движения «СтопХам» свидетельствуют об одобрении деятельности этих вигилантов. По исследованию, проведенному фондом «Общественный вердикт», очень критически относящемуся к феномену вигилантизма в России, действия «СтопХама» по наклеиванию стикеров на лобовое стекло автомобиля и съемке происходящего на видео поддерживают 52% респондентов. При этом 39% респондентов поддержали водителей. Сам феномен вигилантизма (т.е. принуждение к порядку одних граждан другими) поддержали 56%, в то время как монополию полиции на принуждение к порядку признали 34%. Поддержку «СтопХам» находит в т.ч. и со стороны руководства полицейских: 52% руководителей положительно оценивают деятельность «СтопХама» (Если кто-то кое-где у нас герой: Россиянам нравится игра в полицию: <https://www.kommersant.ru/doc/4435194>). Однако нельзя сказать, что «СтопХам» является корректным примером неолиберальной передачи полномочий общественному движению. Полиция далеко не всегда вмешивается в действия активистов «СтопХам» и, как правило, выступает в роли арбитра в конфликте между «СтопХамом» и нарушителями правил дорожного движения.

«Лев Против» — общественное движение, выступающее против курения и распития алкогольных напитков в общественных местах (<https://vk.com/lionvs>). Активные участники группы «Лев Против» регулярно проводят рейды по обеспечению контроля общественного правопорядка. В ходе рейдов по дворам, скверам вблизи клубов и магазинов, продающих алкогольные напитки, они, призывая граждан не нарушать КоАП РФ, не распивать спиртные напитки, не курить, не выражаться нецензурной бранью в общественных местах, выискивают нарушителей. Обнаружив нарушителей, молодые люди спортивного телосложения, настаивают на прекращении противоправных действий, изымают и уничтожают алкоголь, сигареты и т.п. Свою деятельность активисты фиксируют на видеорекамеры и впоследствии публикуют в социальных сетях.

Проект «Хрюши против» позиционирует себя как волонтерское движение, «декларирующее своей гражданской целью общественную борьбу с некачественными

продуктами в магазинах и на рынках» (<https://хрюши.рф/about>). Историю «борьбы за свежий товар» активисты ведут с 2010 г., когда Евгения Сморгочкова, которая считала несправедливым факт того, что покупателей «часто путают со свиньями», создала свое движение по защите прав потребителей. На данный момент отделений проекта «Хрюши против» с каждым днем становится всё больше и больше в городах России. В 2016 г. отделение проекта «Хрюши против» появилось в Республике Беларусь и проект стал международным (<https://vk.com/hrushigroup>). «Хрюши» проводят рейды по продовольственным магазинам, а записи громких разбирательств и скандалов с продавцами, кассирами, администраторами выкладывают в Сеть.

«Антидилер» — это проект, который «объединил россиян, равнодушных к проблемам наркоторговли и алкоголизации в нашей стране». Создатели проекта акцентируют внимание на том, что «уровень наркомании в молодежной среде находится на высоком уровне, а также то, что в последнее время увеличивается количество новых синтетических наркотиков, основными потребителями которых являются молодые люди» (https://vk.com/antidiler_official). Проект направлен на снижение количества наркозависимых за счёт профилактики здорового образа жизни, т.е. «вовлечение в борьбу с наркоманией общественность, чтобы каждый осознал важность этой проблемы и собственную причастность к ее решению, а также проведение различных акций и мероприятий непосредственно по предотвращению преступлений в сфере оборота наркотических средств» (https://vk.com/antidiler_official).

Инструментарий работы этих достаточно популярных псевдо-полицейских организаций и движений, которые самовольно взяли на себя контроль над общественным порядком, весьма неоднозначен. Так, рейды «Лев Против» или «СтопХам» зачастую провоцируют насилие, драки и не только не приводят к реальным решениям проблем, озвучиваемых ими, в национальном ключе, но имеют деструктивный характер. Они создают напряжение в социуме, демонстрируя молодежи примеры хамства, проповедуя привлекательность агрессивного поведения. Тем не менее, несколько лет назад член Общественной палаты А. Кирьянов предложил главе МВД РФ легализовать движение «Лев против». Выступая с этой инициативой, он справедливо полагал, что условия современных демократических режимов подразумевают, прежде всего, фиксацию на законодательном, нормативном и правоприменительном уровнях четких «правил игры», но кроме этого необходима этическая инфраструктура общества, этические акценты в поведении людей и объединений граждан, «претендующих на почетное во всех смыслах звание гражданского активиста» (<https://ria.ru/20190624/1555840298.html>). Движение «СтопХам» изначально было санкционировано российской политической элитой, должно было играть роль гражданского полицейского и даже некоторое время получало президентские гранты, т.е. до определенной поры поддерживалось правительством, после чего утратило статус организации по решению суда.

Исследуемые вигилантские движения имеют схожий генезис, и можно сказать, что в России распространена своеобразная модель «управляемого» (лояльного) вигилантизма, который старается держаться в рамках вспомогательного института, совершая редкие действия «замещающего» института в случае бездействия полиции. Таким образом, стремление граждан к соблюдению норм, возникая как явление позитивное, может приобретать различные формы, вплоть до девиантных (в случаях, когда целью становится экзальтированное привлечение внимания пу-

Таблица 1. Численный состав сообществ Вконтакте и количество подписок пользователей
 Table 1. Number of communities of the network Vkontakte and number of subscribers

Сообщество	Кол-во пользователей	Кол-во подписок пользователей
СтопХам	406 649	5 101 376
Лев Против	309 956	52 752 100
Хрюши	49 600	11 617 73
Антидиллер	1 230	175 685

блики, когда общественное порицание превращается в сетевое реалити-шоу, а возмездие — в зрелище). В этих случаях цифровая бдительность, как темная сторона онлайн-взаимодействия, проявляется через преследование и травлю (троллинг). Феномен вигилантизма в России фиксирует определенный общественный раскол. Он обусловлен как неоднозначным отношением к полиции, так и лояльным отношением к символическому насилию со стороны вигилантов.

Но и государственные структуры могут использовать сетевых провокаторов для выявления проблем и даже слежки, что в полной мере проявилось в период самоизоляции в 2020 г., когда граждане проводили рейды и выявляли организации, нарушающие режим (тайно работающие салоны красоты или магазины).

Для того, чтобы лучше понять побудительные мотивы и описать социальный портрет «типичного вигиланта», в рамках настоящего исследования при помощи API (application programming interface) Вконтакте была собрана база подписчиков четырех типичных вигилантских сообществ в социальной сети ВКонтакте («Лев Против», «СтопХам», «Хрюши против», «Антидиллер»). Данные, приведенные, в табл. 1, позволяют судить о численности и активности сообществ.

Кроме того, для понимания круга интересов и формирования портрета «типичного вигиланта» были собраны подписки участников сообществ (группы, в которых состоят участники этих четырех крупнейших вигилантских проектов). Анализ ранжированного по численности списка, состоящего из 2090 общих для всех подписчиков-вигилантов групп социальной сети Вконтакте, позволил сделать ряд интересных выводов.

Абсолютное большинство групп социальной сети ВКонтакте, на которые подписываются участники четырех исследуемых вигилантских сообществ, относятся к категории развлекательных, причем многие — достаточно вульгарного характера. Наибольшее количество участников подписаны на группу МДК, которая является одной из самых посещаемых развлекательных площадок в Сети. Это «международное молодежное комьюнити, созданное весной 2011 г. в виде безобидного паблика, высмеивающего попсовые тренды и человеческие пороки» использует лаконичное название «МДК», «чтобы не смущать ханжей и рекламодателей». В целом, на первом месте среди подписок вигилантов — группы юмористического толка («Смейся до слёз», «Черный юмор», «Приколы», «Шутник», «Ржунимогу» и др.). Следующие по популярности группы объединяют любителей кино и музыки различных направлений. Значительная часть групп обладает «мускулиной направленностью» («Академия Порядочных Парней», «Мужские мысли», «Мужской рай», «Армия — мужское сообщество» и др.). Распространены подписки на группы спортивной тематики: фанклубы футбольных болельщиков, смешанные единоборства (Футбольные мемы, Футбол Европы, КХЛ, Фёдор Емельяненко — все о бойце и единоборствах).

Таблица 2. Подписки ВКонтакте участников vigilantских сообществ («Лев Против», «СтопХам», «Хрюши против», «Антидиллер»)

Table 2. Subscriptions of the members of the vigilant communities («Lion Is Against», «StopHam», «Piggies Are Against», «Anti-Dealer») in the network VKontakte

Группа	Число подписчиков
MDK	234293
Сарказм	177632
Лайфхак	154646
Музыка	143624
ЁП	140979
Интересные факты	125830
Чёткие приколы	124694
Наука и Техника	123285
Хитрости жизни	107761
Академия Порядочных Парней	104162
Vine Video	104095
Я тебя хочу	103514
Психология	102707
БОРЩ	100748
AUTO	96524
Книга Рекордов	95829
NR.Music	94704
Смейся до слёз: D	94154
IGM	91805
Убойный юмор	90884
Apple	90834
4ch	89191
КиноКайф — Лучшие фильмы	87633
FUN	85809
Не поверишь!	85598
Музыка в машину	83003
Чёткие Приколы	81655

Следует отметить, что контент многих групп балансирует на грани норм приличия, содержит откровенные фото и плохо завуалированную ненормативную лексику. Групп, которые можно охарактеризовать в качестве «женских» («Яжемать!», «Женские секреты»), в общем списке подписок крайне мало. Также незначительно число групп интеллектуального характера, причем по популярности с большим отрывом лидирует группа «Наука и Техника» (123285 подписок), далее идут История\History (39360), Наука и факты (35919) и др.

Таблица 3. Подписки участников четыре вигилантских сообществ на группы СМИ ВКонтакте

Table 3. Subscriptions of the participants of four vigilant communities to media groups in the network VKontakte

Страницы СМИ	Число подписчиков
Телеканал ТНТ	65907
РИА Новости	31002
Первый канал	21488
Новости RT на русском	19652

Подписок на группы, которые можно было бы отнести к политической сфере (официальных страниц партий и движений), а также групп протестного характера (например, связанных с известными оппозиционными лидерами) не было обнаружено. Не слишком высок интерес вигилантов к страницам российских и зарубежных СМИ. В табл. 3 приведены все, существующие в среде вигилантов, подписки на группы СМИ. Либеральных и оппозиционных СМИ (Радио Свободы, Эхо Москвы, Дождь) в списке подписок нет. Таким образом, деятельность данных сообществ носит неполитический характер, а участие в них может рассматриваться по аналогии с участием в развлекательных пабликах Сети.

Дискуссия

Исследование поведенческих паттернов и ценностной ориентации российских вигилантских сообществ позволяет внести свой вклад в осмысление феномена цифрового вигилантизма. Р. Бейтсон указывает на то, что, хотя вигилантизм является центральной проблемой политической науки, поскольку напрямую связан с осуществлением власти, в настоящий момент исследования вигилантизма сосредоточены в основном за пределами политической науки, в смежных дисциплинах. Наряду с традиционным правовым анализом активно развиваются исследования в таких отраслях знания, как информатика или психология (Bateson, 2021). Следует присоединиться к мнению зарубежных коллег и акцентировать внимание на междисциплинарном характере данной проблемы.

Действительно, процессы сетевизации, цифровизации общества обостряют проблему вигилантов, заставляют трактовать ее шире, чем первоначально предполагали работы в сфере охраны правопорядка и криминологии. Разрабатывается концепция бдительности как коллективного использования или угрозы нелегального насилия в ответ на предполагаемое преступное деяние. Так, в частности, значительный вклад в исследование цифрового вигилантизма внесен учеными из Университета Эразма в Роттердаме, осуществляющими сравнительные исследования на материале таких стран, как Нидерланды, Великобритания, Китай и Россия. Д. Тротье в ряде работ трактует цифровой вигилантизм достаточно узко («моральное возмущение или общее чувство оскорбления, которое было передано через онлайн-сервисы»), но признает и широкую его трактовку (любая вигилантская деятельность в киберпространстве) (Trottier, 2017).

Расширение предметного поля помогает понять сложность явления, но делает вигилантизм размытым и оспариваемым понятием. Цифровой вигилантизм также получил название «интернет-виджилантизм» (Internet vigilantism), «нетилантизм»

(netilantism), «кибер-вигилантизм» (cyber-vigilantism), «онлайн-виджилантизм» (online vigilantism), дигилантизм (digilantism) (Chang, 2017). Сегодня мы уже можем разделять институциональный вигилантизм (организованные, постоянно действующие в социальных сетях группы) и проявления спонтанного вигилантизма: (cyberbullying), поиск и публикация информации о человеке с целью мести, травли и шантажа (doxxing) (Douglas, 2016; Trottier, 2019), онлайн опозоривание (online shaming). Эта проблема интернациональна, хотя население мегаполисов по всему миру более подвержено увлечению вигилантизмом (Anderson, 2002; Lund, 2006; Stan, 2011; Smith, 2019; Nanner, 2019).

Причины цифрового вигилантизма кроются в относительно слабой институционализированности Сети, которую воспринимают как «дикую сеть» (McIure, 2000), пространство вседозволенности. Этот фактор обуславливает большие риски, которые несет цифровизация вигилантизма: вместо усиления гражданского контроля он способствует росту анархии и разнонаправленной агрессии, потому что активность в Интернете слишком сложно регулировать (Chang, 2017). Особую роль вигилантизм обретает в социальных сетях, наиболее ярко выражающих идеалы публичной сферы. При этом в зависимости от конкретного случая проявления вигилантизма и позиции экспертов, анализирующих проявления вигилантизма, это явление может рассматриваться как положительно, так и резко отрицательно. Например, «цифровое посрамление» (online shaming) в Сингапуре рассматривается как возможность саморегулирования общества через сдерживание девиантного поведения и форма гражданского участия в правоохранительной деятельности через Интернет (Skoric, p. 181–182). Таким образом, цифровой вигилантизм может выступать как вариант активности гражданского общества, базирующийся на таких публичных ценностях, как ответственность, участие, открытость, сотрудничество. Используя современные инструменты и привлекательные методы для вовлечения молодежи в дискуссию о гражданской ответственности и публичных ценностях, он дополняет деятельность органов публичного управления.

Обсуждая причины возникновения и роста активности вигилантских групп, современные исследователи расходятся во мнениях, но практически все признают в качестве важного фактора слабость или отсутствие формальных институтов, их неготовность оперативно реагировать на угрозы (Vinalhaven pushing back against 'vigilante' actions amid COVID-19 panic. Bangor Daily News. <https://bangordailynews.com/2020/03/31/news/midcoast/vinalhaven-pushing-back-on-vigilante-actions-amid-covid-19-panic/>). Вот почему активизация вигилантских сообществ является предупреждением для современных государств. Бдительность проявляется в «местах без гражданства» (Nivette, 2016, p. 142). Цели вигилантов, как правило, дополняют цели формальных институтов, но вигилантские группы могут провоцировать незащищенность, несправедливость и беспорядок и формировать альтернативные правила игры, ориентированные на «методы насильственной самопомощи» (Nivette, 2016, p.143), когда защита становится более агрессивной, деструктивной, социально опасной, чем нападение. Вигилантские группы, как правило, свидетельствуют об неэффективности формальных институтов, которые утрачивают способности обеспечивать безопасность, а их системное доминирование — признак утраты государственной управляемости (Schuberth, 2013; Nivette, 2016, p.144–145).

Однако в ряде случаев по всему миру вигилантизм не дополняет формальные институты, а отрицает их и может способствовать замещению формальных ин-

ституты. Вигиланты в этом случае ставят под вопрос право государства на легитимное насилие. В качестве примера можно привести американское сообщество «Black youth», которое отрицает легитимность полиции (Wilkinson, 2009, p. 32). Недоверие и отсутствие легитимности могут становиться значимыми факторами институционализации замещающего вигилантизма. Вигилантизм в таком случае ставит под угрозу управляемость государства и является вызовом государственному суверенитету в целом (Anderson, 2002; Meagher, 2007).

Описывая динамику построения отношений государства и гражданского общества, исследователи относят вигилантские группы как к промежуточным («сумеречным») институтам (Helmke, 2004; Obert, 2018), так и к «негражданскому обществу». При этом если сумеречные институты берут на себя управленческие, вспомогательные функции и тем самым способствуют нормальному функционированию государства и общества, то термин «негражданское общество» стремится показать деструктивный характер вигилантизма (Arrobi, 2018). Функционирование институтов «негражданского общества» может способствовать формированию публичных ценностей, которые будут идти вразрез с существующей системой.

Заключение

Поскольку вигилантизм так или иначе предполагает самовольное перераспределение функций от публичных институтов в пользу общественных групп, правомерно говорить о вариантах гражданского участия, причем границы между вигилантизмом и участием достаточны размыты. Это дает основания современным обществоведам рассматривать вигилантов как значимых акторов сетевой публичной политики.

Роль, которую обретают вигиланты из «СтопХама», «Лев Против», «Хрюши против» в российских социальных сетях, похожа на деятельность блогеров, ориентированных как на привлечение внимания к проблеме, так и на обеспечение собственной финансовой стабильности. Кроме того, отечественные паблики (как и все зарубежные цифровые медиа) в процессах осуществления «цифровой бдительности» не являются только лишь нейтральными платформами обмена информацией. Они позволяют участникам и сторонникам предлагать собственные комментарии, которые авторитетные журналисты, администраторы и организаторы интернет-ресурсов могут либо поддержать, либо оспорить. Помимо журналистов, важно учитывать дискурсивное влияние других общественных деятелей: политиков, ученых, общественных интеллектуалов и других лидеров общественного мнения, которые управляют значительной аудиторией социальной сети, особенно при комментировании спорных или иных культурно значимых событий. И здесь широко распространено использование цинизма аудитории, позволяющее извлечь выгоду (увеличить число подписчиков или лайков). Сетевые ресурсы (YouTube и Twitter) извлекают выгоду из лавинно нарастающей активности пользователей в случае развития скандальных сюжетов и агрессивных кампаний, они успешно монетизируют свою популярность за счет привлечения контекстной рекламы. Не случайно строчка «Реклама, сотрудничество: lazz95@mail.ru» следует сразу после названия группы «Лев Против». Максим Лазутин, основатель группы, успешно монетизирует популярность роликов с драками и скандалами на улицах, сам снимается в рекламных роликах, получает деньги от размещенной рекламы. Активисты «СтопХама» из Санкт-Петербурга вставляют в свои ролики рекламу, чтобы иметь возможность

заработать средства для проведения своих кампаний. Интернет-ресурсы остаются в выигрыше от вирусных всплесков онлайн-взаимодействия, а это значит, что они могут терпеть или даже культивировать такие формы электронного участия, вплоть до причинения социального вреда. Популярность в молодежной среде цифрового вигилантизма (учитывая эмоции и комментарии в группах) показывает, что часть общества озабочена тем, что государство не достаточно эффективно в борьбе за социальную справедливость, а вероятность наказаний и санкций в отношении нарушителей закона избирательна и не слишком высока. Спрос на справедливость и возмездие (в том числе и на символическое насилие) достаточно высок.

Проявление подобной активности может способствовать общественной саморегуляции, но нельзя не принимать в расчет и риски «захвата гражданского общества», когда сплоченные меньшинства смогут насаждать свои ценности большинству, применяя при этом страх и запугивание.

Выводы

Вигилантизм — сложное общественное явление, которое нельзя оценивать исключительно с критических позиций. В России достаточно длительное существование движений, которые были сформированы в результате взаимодействия общественных организаций, активистов-одиночек и власти и выступают в роли вспомогательных институтов, позволяет говорить о распространении управляемого вигилантизма. В результате исследования мы можем утверждать, что для массовой аудитории они выполняют скорее функцию снятия напряжения, т.е. рекреативную функцию. Существование таких вигилантов подтверждает, что власть признает наличие конфликтных ситуаций, которые не разрешаются в рамках формальных институтов, но могут быть временно разрешены на уровне взаимодействия между отдельными гражданами. Создание групп, готовых соблюдать общие принципы правил игры и навязывать общие ценности лишь с небольшими, эпизодическими формальными нарушениями буквы закона, становится работающей моделью управляемого вигилантизма.

Тем не менее, управляемый вигилантизм — крайне опасная игра, поскольку само использование таких групп иллюстрирует стабильную неэффективность публичных институтов. Нельзя не согласиться с Р. Батейсон, что, «когда граждане прибегают к самопомощи в одной сфере (например, сбор мусора), они также, кажется, выражают большее желание самопомощи в других сферах» (Bateson, 2021). Постоянное функционирование вигилантских групп приводит к возникновению подражателей, которые стремятся перенести их опыт в другие сферы.

Библиографический список

- Мирошниченко, И. В., Морозова, Е. В. (2017). Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. *Полис. Политические исследования*, 2, 82–102.
- Мирошниченко, И. В., Рябченко, Н. А., Ячменник, К. В. (2017). «Новые» сетевые акторы развития локальной политики в условиях современной России. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 1, 150–163.
- Симонова, И. А., Порозов, Р. Ю. (2019). Молодежный вандализм как вигилантизм: российская специфика «стратегий бдительности». *Евразийский юридический журнал*, 10, 467–469.
- Сморгунов, Л. В. (2020). Институты доступности цифровых платформ. *Южно-российский журнал социальных наук*, 21(3), 6–19.

- Чернобровкин, И. П., Шевелев, В. Н. (2014). Вигилантизм в конфликтах местных жителей и этнических мигрантов: управленческий подход. *Социально-гуманитарные знания*, 11, 83–87.
- Anderson, D. M. (2001). Vigilantes, Violence and the Politics of Public Order in Kenya. *African Affairs*, 101(405), 531–555.
- Arellano, L. (2012). *Vigilantes and Lynch Mobs: Narratives of Community and Nation*. Temple University Press.
- Arrobi, M. Z. (2018). Vigilantism as ‘Twilight Institution’: Islamic Vigilante Groups and the State in Post-Suharto Yogyakarta. *PCD Journal*, 6(2), 213–237. DOI: <https://doi.org/10.22146/pcd.35215>
- Bateson, R. (2021). The Politics of Vigilantism. *Comparative Political Studies*, 54(6), 923–955. DOI: 10.1177/0010414020957692
- Brightenti, A. (2007). Visibility: A Category for the Social Sciences. *Current Sociology*, 55(3), 323–342.
- Burrows, W. (1976). *Vigilante*. New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich.
- Chang, LYC, Poon, R. (2017). Internet Vigilantism: Attitudes and Experiences of University Students Toward Cyber Crowdsourcing in Hong Kong. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 61(16), 912–932. DOI: 10.1177/0306624X16659037
- Dennis, K. (2008). Keeping a Close Watch — The Rise of Self-Surveillance and the Threat of Digital Exposure. *Sociological Review*, 56(3), 347–357.
- Douglas, D. (2016). Doxing: A Conceptual Analysis. *Ethics and Information Technology*, 18(3), 199–210.
- Fuchs, C. (2015). Social Media and the Public Sphere. *TripleC: Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*, 12(1), 57–101.
- Helmke, G., Levitsky, S. (2004). “Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda”. *Perspectives on Politics*, 2(4), 725–740.
- Lund, C. (2006). Twilight Institutions: Public Authority and Local Politics in Africa. *Development and Change*, 37(4), 685–705.
- Mclure, H. (2000). The Wild, Wild Web: The Mythic American West and the Electronic Frontier. *The Western Historical Quarterly*, 31, 457–476.
- Meagher, K. (2007). Hijacking Civil Society: The Inside Story of the Bakassi Boys Vigilante Group of South-Eastern Nigeria. *Journal of Modern African Studies*, 45(1), 89–115.
- Nivette, A. E. (2016). Institutional Ineffectiveness, Illegitimacy, and Public Support for Vigilantism in Latin America. *Criminology*, 54, 142–175. DOI: <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12099>.
- Obert, J., Mattiacci, E. (2018). Keeping Vigil: The Emergence of Vigilance Committees in Pre-Civil War America. *Perspectives on Politics*, 16(3), 600–661.
- Rosenbaum, H. J., Sederburg, P. C. (1974). Vigilantism: An Analysis of Establishment Violence. *Comparative Politics*, 6(4), 541–570.
- Schuberth, M. (2013). Challenging the Weak States Hypothesis: Vigilantism in South Africa and Brazil. *Journal of Peace, Conflict & Development*, 20, 38–51.
- Shukan, I. (2019) Defending Ukraine at the Rear of the Armed Conflict in Donbas: Wartime Vigilantism in Odessa (2014–2018). *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 3, 71–104.
- Skoric, M. M., Wong, K. H., Chua, J. P. E. et al. (2010). Online Shaming in the Asian Context: Community Empowerment or Civic Vigilantism? *Surveillance and Society*, 8(2), 181–199.
- Smith, N. R. (2019). *Contradictions of Democracy: Vigilantism and Rights in Post-Apartheid South Africa*. Oxford University Press.
- Stan, L. (2011). Vigilante Justice in Post-communist Europe. *Communist and Post-Communist Studies*, 44(4), 319–327.
- Tanner, S., Campana A. (2019). “Watchful citizens” and Digital Vigilantism: A Case Study of the far Right in Quebec. *Global Crime*, 21(3–4). DOI: 10.1080/17440572.2019.1609177
- Trottier, D. (2017). Digital Vigilantism as Weaponisation of Visibility. *Philosophy & Technology*, 30(1), 55–72.

- Trottier, D. (2018). *Revisiting Privacy in Public Spaces in the Context of Digital Vigilantism. Surveillance, Privacy and Public Space*. Taylor and Francis.
- Trottier, D. (2019) Denunciation and Doxing: Towards a Conceptual Model of Digital Vigilantism. *Global Crime*, 21(1), 1–17 DOI: 10.1080/17440572.2019.1591952
- Volkova, A., Lukyanova, G. (2020). Communication Strategies of Digital Vigilantes: in Search of Justice. *IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*. DOI: 10.1109/ComSDS49898.2020.9101239.
- Wilkinson, D. L., Chauncey, C. B., Regina, M. L. (2009). Youth Violence Crime or Self-help? Marginalized Urban Males' Perspectives on the Limited Efficacy of the Criminal Justice System to Stop Youth Violence. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 623, 25–38.
- Zizumbo-Colunga, D. (2017). Community, Authorities, and Support for Vigilantism: Experimental Evidence. *Political Behavior*, 39(4), 989–1015.

Статья поступила в редакцию 11.06.2021

Статья принята к публикации 26.06.2021

Для цитирования: Волкова А. В., Лукьянова Г. В., Мартыанов Д. С. Цифровой вигилантизм: поведенческие паттерны и ценностные ориентации. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22. № 2. С. 37–52.

DIGITAL VIGILANTISM: BEHAVIORAL PATTERNS AND VALUE ORIENTATIONS

A. V. Volkova, G. V. Lukyanova, D. S. Martyanov

Anna V. Volkova.

E-mail: a.volkova@spbu.ru. ORCID 0000-0002-3687-5728.

Galina V. Lukyanova.

E-mail: g.lukiyanova@spbu.ru. ORCID 0000-0003-1260-2124.

Denis S. Martyanov.

E-mail: dsmartyanov@mail.ru. ORCID 0000-0001-7755-8086.

St. Petersburg State University, Universitetskaya Str., 7/9, St. Petersburg, 199034, Russia.

Acknowledgments. The study (research) was carried out with the financial support of RFFR-EISI with the frameworks of the scientific project 21-011-31445 “Digital vigilantism and the practice of creating public values: hijacking network civil society?”.

Abstract. The article is devoted to the analysis of digital vigilantism (digital vigilance) as a form of electronic civic participation in the context of the challenges of modern public administration. Digital Vigilantism is an interdisciplinary problem, which is confirmed by numerous foreign studies, but for Russia the term is new. Political science analysis allows the authors to identify the dual character of vigilantism, which is a reaction to the ineffectiveness of State institutions in the face of digital transformations and purports to be an auxiliary informal institution. On the other hand, vigilant communities can challenge the State's monopoly on legal violence and provoke deviant behavior online. The novelty of the study also includes the role of digital vigilantism in shaping public values in the context of the risk of capturing a network civil society. The authors focused their attention on typical discursive practices of institutional (managed) vigilantism among the well-known Russian vigilant movements. Within the framework of the study, a network analysis of four communities of Russian social network VKontakte was carried out: “StopKham”, “Lion Is Against”, “Piggies Are Against” and “AntiDealer”. On the basis of the analysis of virtual communities audiences' subscriptions, the circle of interests of “typical vigilant” is highlighted, and the inference on non-political character of movements is deduced. However, aggressive network initiatives claiming leadership in shaping public values pose threats to the sustainable and dynamic development of civil society in the public sphere

through the promotion of the “non-civil” character of public activity, thereby leveling off efforts to create a common digital environment of trust.

Keywords: digital vigilantism, digital public policy, civic participation, social media, public values.

DOI 10.31429/26190567-22-2-37-52

References

- Anderson, D. M. (2001). Vigilantes, Violence and the Politics of Public Order in Kenya. *African Affairs*, 101(405), 531–555.
- Arellano, L. (2012). *Vigilantes and Lynch Mobs: Narratives of Community and Nation*. Temple University Press.
- Arrobi, M. Z. (2018). Vigilantism as ‘Twilight Institution’: Islamic Vigilante Groups and the State in Post-Suharto Yogyakarta. *PCD Journal*, 6(2), 213–237. DOI: <https://doi.org/10.22146/pcd.35215>.
- Bateson, R. (2021). The Politics of Vigilantism. *Comparative Political Studies*, 54(6), 923–955. DOI: 10.1177/0010414020957692
- Brighenti, A. (2007). Visibility: A Category for the Social Sciences. *Current Sociology*, 55(3), 323–342.
- Burrows, W. (1976). *Vigilante*. New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich.
- Chang, LYC, Poon, R. (2017) Internet Vigilantism: Attitudes and Experiences of University Students Toward Cyber Crowdsourcing in Hong Kong. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 61(16), 912–932. DOI: 10.1177/0306624X16639037
- Chernobrovkin, I. P., Shevelev, V. N. (2014). Vigilantizm v konfliktah mestnyh zhitelej i etnicheskikh migrantov: upravlencheskij podhod [Vigilantism in The Conflicts of Local People and Ethnic Migrants: A Management Approach]. *Social’no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 11, 83–87.
- Dennis, K. (2008). Keeping a Close Watch — The Rise of Self-Surveillance and the Threat of Digital Exposure. *Sociological Review*, 56(3), 347–357.
- Douglas, D. (2016). Doxing: A Conceptual Analysis. *Ethics and Information Technology*, 18(3), 199–210.
- Fuchs, C. (2015). Social Media and the Public Sphere. *TripleC: Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*, 12(1), 57–101.
- Helmke, G., Levitsky, S. (2004). “Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda”. *Perspectives on Politics*, 2(4), 725–740.
- Lund, C. (2006). Twilight Institutions: Public Authority and Local Politics in Africa. *Development and Change*, 37(4), 685–705.
- Mclure, H. (2000). The Wild, Wild Web: The Mythic American West and the Electronic Frontier. *The Western Historical Quarterly*, 31, 457–476.
- Meagher, K. (2007). Hijacking Civil Society: The Inside Story of the Bakassi Boys Vigilante Group of South-Eastern Nigeria. *Journal of Modern African Studies*, 45(1), 89–115.
- Miroshnichenko, I. V., Morozova, E. V. (2017). Setevaya publichnaya politika: kontury’ predmetnogo polya [Network Public Policy: Outlines of Subject Field]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2, 82–102
- Miroshnichenko, I. V., Ryabchenko, N. A., Yachmennik, K. V. (2017). “Novy’ye” setevy’ye aktory’ razvitiya lokal’noy politiki v usloviyakh sovremennoy Rossii [“New Network Actors of Local Policy in Contemporary Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 1, 150–163.
- Nivette, A. E. (2016). Institutional Ineffectiveness, Illegitimacy, and Public Support for Vigilantism in Latin America. *Criminology*, 54, 142–175. DOI: <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12099>.
- Obert, J., Mattiacci, E. (2018). Keeping Vigil: The Emergence of Vigilance Committees in Pre-Civil War America. *Perspectives on Politics*, 16(3), 600–661.

- Rosenbaum, H. J., Sederburg, P. C. (1974). Vigilantism: An Analysis of Establishment Violence. *Comparative Politics*, 6(4), 541–570.
- Schuberth, M. (2013). Challenging the Weak States Hypothesis: Vigilantism in South Africa and Brazil. *Journal of Peace, Conflict & Development*, 20, 38–51.
- Shukan, I. (2019). Defending Ukraine at the Rear of the Armed Conflict in Donbas: Wartime Vigilantism in Odessa (2014–2018). *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 3, 71–104.
- Simonova, I. A., Porozov, R. Y. (2019) Molodezhnyy vandalizm kak vigilantizm: rossiyskaya spetsifika “strategii bditel’nosti” [Youth Vandalism as Vigilantism: Russian Specificity of “Vigilance Strategies”]. *Evrasijskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal], 10, 467–469.
- Skoric, M. M., Wong, K.H., Chua, J.P.E. et al. (2010). Online Shaming in the Asian Context: Community Empowerment or Civic Vigilantism? *Surveillance and Society*, 8(2), 181–199.
- Smith, N. R. (2019). *Contradictions of Democracy: Vigilantism and Rights in Post-Apartheid South Africa*. Oxford University Press.
- Smorgunov, L.V. (2020). Instituty dostupnosti cifrovyykh platform [Digital Platform Accessibility Institutions]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal social’nyh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 21(3), 6–19.
- Stan, L. (2011). Vigilante Justice in Post-communist Europe. *Communist and Post-Communist Studies*, 44(4), 319–327.
- Tanner, S., Campana A. (2019). “Watchful citizens” and Digital Vigilantism: A Case Study of the far Right in Quebec. *Global Crime*, 21(3–4). DOI: 10.1080/17440572.2019.1609177.
- Trottier, D. (2017). Digital Vigilantism as Weaponisation of Visibility. *Philosophy & Technology*, 30(1), 55–72.
- Trottier, D. (2019) Denunciation and Doxing: Towards a Conceptual Model of Digital Vigilantism. *Global Crime*, 21(1), 1–17 DOI: 10.1080/17440572.2019.1591952
- Trottier, D. (2018). *Revisiting Privacy in Public Spaces in the Context of Digital Vigilantism*. *Surveillance, Privacy and Public Space*. Taylor and Francis.
- Volkova, A., Lukyanova, G. (2020). Communication Strategies of Digital Vigilantes: in Search of Justice. *IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*. DOI: 10.1109/ComSDS49898.2020.9101239
- Wilkinson, D. L., Chauncey, C. B., Regina, M. L. (2009). Youth Violence Crime or Self-help? Marginalized Urban Males’ Perspectives on the Limited Efficacy of the Criminal Justice System to Stop Youth Violence. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 623, 25–38.
- Zizumbo-Colunga, D. (2017). Community, Authorities, and Support for Vigilantism: Experimental Evidence. *Political Behavior*, 39(4), 989–1015.

Received 11.06.2021
Accepted 26.06.2021

For citation: Volkova A. V., Lukyanova G. V., Martyanov D. S. Digital Vigilantism: Behavioral Patterns and Value Orientations.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 22. No. 2. Pp. 37–52.

© 2021 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).